

Юлечку хоть на вечер, хоть на пару часиков на прогулку. Он твердо знает, что его соображения, высказанные уже много раз по поводу излишнего баловства, необходимости соблюдения режима и приучения ребенка к "своей собственной семье" должны быть уяснены всеми. Под плач Юлечки, рвущейся к нашей троице, разговор заканчивается. Ребенка уводит озабоченная мама, наскоро, через плечо, сообщая о домашних новостях.

В грохочущих всеми своими запчастями "Жигулях", едущих тем же маршрутом, — томительная духота. Виктор бросает машину вправо и ругает неумелого удалого водителя внедорожника, промчавшегося мимо них. Всегда что-нибудь не так на этой дороге! После резкого толчка его спутницы возвращаются в тряское равновесие, и далее — все молчат, следя из окон машины за встречным движением и убегающими городскими пейзажами.

Два рассказа

Отрывок

— Тебе просто нужно понять, что эти люди тебе чужие. Сегодня они есть, завтра их нет. Например, как птицы — сейчас они кружат над тобой, а через пару минут улетят и будут еще где-то. А над тобой останется чистое небо, и ты спокойно будешь смотреть на облака, похожие на те, которые были здесь какое-то время назад... На самом деле твоя задача смотреть не за птицами, а за небом. Заметить какую-то деталь, запомнить, какое оно, потому как птицам на самом деле все равно.

— Птицам, наверное, вообще все равно.

— Мыслишь правильно, но люди-то не... О-па! Что с давлением?

— Падает.

— Адреналин... Видел, как падают птицы?!

— Нет.

— Ничего страшного... Мы еще поборемся. А еще дело в том, что когда в небе никого нет, оно надоедает. Хотя тут, похоже, нет шансов... Что стимулятор? Почему замерли? Стимулятор готовь!.. Убрали руки! Руки убрали! Чисто! Как чистое небо... Пульс?!

— Пульса нет.

— Давай еще! Чисто!.. Пульс? Не слышу!

— Есть... 20.

— Знаешь, мне иногда кажется, точнее, снится, что я лежу на столе и в то же время стою рядом — реанимирую сам себя. И если я не спасу сам себя, то меня уволят с работы. Бред какой-то. Давление?

— 60 на 20.

— Вот так, студент. Как думаешь, выживет?

— Не знаю.

— Ну как ты это себе ощущаешь? Какое-то ощущение у тебя есть?

— Я думаю, все-таки выживет.

— Почему?

— Какая-то уверенность... она исходит от вас.

— От меня? — и тут Александру Александровичу Буглинскому стало не по себе, словно он забыл выключить чайник дома. "Зачем это все?! — пронеслось в голове. — Хотя, это, может быть, просто лезть".

— Знаешь, студент, будешь так думать — ничему не научишься! Ничему. Даже не будешь знать, что ты в пустоте. Пульс?

— 40.

— Давление?

— 65 на 30.

— Почему?

— Что почему?

— Почему в пустоте?

— Потому что вокруг ничего, кроме тебя, не будет... Что ты задержался?

— Представил, как быть с этим один на один.

— Это и значит быть в пустоте... Сестричка! Кардиомин... Пульс?

— 45.

— Давление?

— 65 на 30.

— Пульс?

— 50.

— Давление?

— 65 на 35.

Буглинскому показалось, что он засыпает.

Александр Александрович проснулся на следующее утро в пустой комнате. Если говорить точно, то комната не была полностью пустой. Но вид скудной мебели — стула и кровати — не позволял говорить в этой комнате о точности.

Со сна комната показалась Буглинскому чужой. Но после взгляда на белый, похожий на брошенный в ординаторской халат, потолок чувство это прошло. Буглинский взглянул на остановившиеся часы и понял, что это было чужое чувство.

— Доктор, он умирает!

— Вижу, — точнее было сказать, что Буглинский чувствовал, что больной сейчас умрет. Но, по-видимому, ничего не мог сделать. Он только вглядывался в лицо больного и ловил себя на мысли, что больной похож на студента, который приходил вчера, а может, — еще на кого-то очень знакомого, очень близкого. Но момент был не тот, чтобы вспоминать:

— Чистое небо — это когда не падают птицы.

— Что вы говорите?

— По-моему, все...

После того как больной умер, и тело увезли в морг, Буглинский долго сидел в одиночестве и туло смотрел в карточку. Ему казалось, что если он

начнет писать, то вбежит медсестра и скажет, что привезли кого-то еще. И тогда нужно будет встать, выйти в пустой коридор и бежать через все крыло, словно оставляя что-то у себя за спиной. "Как иногда страшно оглядываться, особенно, если знаешь, что позади никого и ничего нет".

Но в этот раз больных больше не привозили. И Буглинский пролежал остаток ночи на кушетке, не в силах заснуть, потому что какая-то птица страшно кричала во мгле за окном, перелетая с места на место.

Рассказ, которого нет

Б. К.

Будем считать, что меня нет. Нет ни в парке с холодными осенними листьями, ни на берегу моря, где волна катится с такой скоростью, словно она думает, что вовремя не успеет разбиться о камни.

Будем считать, что меня нет даже в узком, будто сжатом обстоятельствами, переулке, где так хорошо видно твое окно.

Будем считать, что меня нет в маленькой пивной, где все за все уже заплатили. Осталось рассчитаться за пиво и уйти — только знать бы куда.

Будем считать, что у меня в комнате не стоит твоя фотография. Будем считать, что я там вообще уже не живу.

Будем считать, что меня нет в больнице. И длинные белые коридоры тихо уносят измученные капельницами души умерших, и они уже не оглядываются, чтобы что-то крикнуть мне вслед. И от этого становится еще тоскливее в той больнице, где я работал.

Будем считать, что у меня не стучит сердце так быстро, словно оно смертельно боится не успеть закончить свой стук до конца моей жизни. Будем считать, что сердца у меня вообще нет. А еще у меня нет руки, которой я касался твоих волос. Нет имени, которое ты позабыла.

Будем считать, что в моей голове тишина, как в покинутом мною доме. И никто уже не потревожит ее.

Будем считать, что я тебя никогда не любил. А ты любила меня всегда.

А еще будем считать, что я не падаю сейчас с крыши 16-ти этажного дома, думая, что все когда-нибудь кончается, кроме этого падения. А еще думая о том, что пока я лечу, меня никак нельзя вычеркнуть из всего, что есть и что было.

Поэтому будем считать, что меня нет, не было и не будет.

А еще будем считать, что никто не писал этот рассказ никогда.